

БУНКЕР

КНИГА ПЕРВАЯ
БЕССМЕРТНОГО БОГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

— АССИЯ КИМ —

Ассия Ким
БУНКЕР
БЕССМЕРТНОГО БОГА

<https://litres.ru/73902554>

SelfPub; 2026

Аннотация

После внезапного Апокалипсиса мир застрял в собственных обломках.

Города превратились в ржавые руины, улицы стали охотничьими угодьями для мутантов и зомбиподобных Гувов, а люди, пытаясь выжить, сбиваются в общины, которые всё чаще поддаются коллективному безумию.

По Пустоши ходят слухи о божестве, которого нет ни в одной священной книге, — баге в системе мироздания, однажды решившем, что тоже хочет жить.

Пай бродит между этими обломками как собирательница и проводник. Она знает тропы, цены и чужие страхи, умеет считать людей ресурсом и не видит в этом ничего личного. До тех пор, пока в её тележку не попадает парень с разными глазами и слишком живыми реакциями.

Он становится её самым выгодным грузом и самой опасной привязанностью.

Но Пустошь не любит, когда меняют правила.

Содержание

Глава 1. Приманка	4
Глава 2. Глаза за ужин	31
Глава 3. Плохие решения	44
Глава 4. Официальная сказка	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ассия Ким

БУНКЕР

БЕССМЕРТНОГО БОГА

Глава 1. Приманка

Солнце клонилось к горизонту, расплавленным диском утопая в рваных облаках и заливая пустошь ржаво-оранжевым светом. Воздух дрожал над потрескавшимся асфальтом, отчего казалось, будто сама земля пытается избавиться от всего на ней, как от болезни.

Пайпер шла по старой трассе, когда-то связывавшей прибрежный Ферроу с внутренними поселениями, а теперь просто ведущей... в никуда. Не так уж давно здесь бегали автомобили, гудели грузовики, гремели поезда на параллельной ветке. Теперь — ветер, рваные рекламные плакаты, дёргающиеся, как ободранные флаги, да шарканье её подошв по асфальту.

Кожаная куртка поскрипывала на её плечах при каждом движении. На бедре, под ремнями портупей, подрагивал от шагов тяжёлый тесак. За спиной — любимая винтовка, уже ставшая осанкой, естественным продолжением спины и плеч. Плотные штаны были в пятнах засохшей глины и

чёрной пыли, высокие сапоги за четыре года видели больше мёртвых тел, чем большая часть оставшихся в живых.

Пай смахнула с лица прядь, выбившуюся из тугой косы, и прищурилась на экран планшета, закреплённого на предплечье ремнями. Устройство мерцало зеленоватым — упрямо слабым светом. Солнечная батарея на его обратной стороне весь день ловила скудное послеполуденное солнце, и теперь прибор едва, но держался.

На карте пульсировала маленькая точка — маячок Вика.

Радиус, как всегда в этом районе, был нестабилен. То стягивался в маленькую точку среди квадратиков разрушенных строений, то расползался на полквартала, будто его трясли невидимые руки.

— Давай, давай... — пробормотала она, сердито постукивая пальцем по треснувшему экрану. — Ну не тупи же Не сейчас.

Точка мигнула, сместилась южнее и зависла.

Она выдохнула медленно, сглатывая неприятную сухость во рту. За последний месяц Пай не раз видела, как этот светлячок ускользает у неё из рук. Вчера он вообще пропал на полдня. Но каждый раз — возвращался. Каждый раз — достаточно близко, чтобы продолжать верить, что Вик жив.

А ещё — достаточно далеко, чтобы вера в его жизнь превращалась в мучение.

Вокруг тянулись руины пригородных гаражей и складов. Целые ряды бетонных коробок, многие с обвалившимися

крышами, воротами, сорванными с петель, а иногда и без стен. Места вроде этого вели себя одинаково: днём — просто мёртвые, ночью — охотничьи уголья.

Пай остановилась у ржавого указателя, на котором уцелели лишь две буквы старого названия: «...ин». Остальное отбило взрывом или временем. Она сунула планшет обратно в чехол, поправила ремень рюкзака и на секунду замерла, прислушиваясь.

Тишина была неправильная.

Не спокойная — звенящая, натянутая, как проволока. Ни скрипа железа, ни шороха мелких зверьков в мусоре, ни хрипа далёких Гувов. Только ветер, гонящий по дороге бумагу с выцветшим логотипом до-апокалиптической доставки.

Пай уже давно не встречала других людей. Ни живых, ни особо убедительно мёртвых. Замусоренные лагеря, брошенные стоянки, кострища, ещё хранящие отпечатки наскоро погашенного жара — всё да. Людей — нет.

Зато Гувов — сколько хочешь.

Первые, увиденные ею, преследовали её по крышам старой станции, валили ногами хрупкий шифер, сдирали кожу о бетон, но не останавливались. У некоторых оставались лица, почти человеческие, с обгоревшей сухой кожей, съехавшей, как плохо натянутый чехол. И глаза — мутные, но иногда слишком осмысленные.

Иногда они пытались говорить.

«Го... горе...» — прохрипел один, разевая рот в кровавую

улыбку, перед тем как пулей лишиться половины черепа.

С тех пор Пай не любила, когда Гувы открывают рот. Предпочитала выбивать им мозги до того, как они попытаются произнести хоть слог.

Небо темнело быстрее, чем хотелось. Оранжевый провал на западе гас, и над ним проступали первые тусклые звёзды, ставшие за четыре года ярче. Меньше своих огней — ярче кажутся чужие.

Планшет пискнул — почти не слышно, но Пай уловила сразу. Она рванула ремень, развернула экран.

Маячок Вика дёрнулся... и исчез.

Пустая карта, глухая и неподвижная. Серые прямоугольники развалин. Несколько тусклых отметок убежищ — и больше ничего.

Пай стиснула зубы так, что хрустнуло в челюсти.

— Ну да, конечно, — выдохнула она. — А почему бы и нет.

Она несколько раз провела пальцем по экрану, увеличивая участок, отдаляя, снова переключаясь между режимами. Никакого сигнала. Индикатор маячка погас навсегда или на пару часов — планшет, естественно, не собирался объяснять.

Так бывало. В этой зоне что-то глушило сигнал — возможно, то были остатки военных частот, возможно, странные поля, появившиеся после Взрыва. Иногда маячок вспыхивал снова через пару минут, иногда через день.

Иногда — не вспыхивал вовсе.

Пай молча посмотрела на горизонт. До ближайшей вменяемой ночлежки — старого подземного ангара, отмеченного на её карте, — было с километр, максимум полтора. В темноте по таким местам лучше не бродить.

Она дважды обошла вокруг ржавого указателя, цепляя взглядами каждый угол, каждый пролом в стенах вдоль дороги. В голове без конца повторялось одно и то же: подожди ещё немного. Маячок не мог исчезнуть совсем. Сигнал ещё вернётся. Вик где-то поблизости.

Внутри что-то уже не верило в это, и лишь тихо посмеивалось.

— Ладно, это ничего не значит, — пробормотала она, глядя в пустошь. — Я просто вернусь завтра.

Она убрала планшет, сжала ремень рюкзака, готовясь повернуть к ангару.

И услышала крик.

Внезапный, полный жизни — вспорол тяжёлую тишину. В отличие от мучительного агонизирующего воя Гува — это был яростный, срывающийся крик человека. Где-то слева, за рядом практически развалившихся гаражей.

Сердце ухнуло куда-то в живот, а потом рвануло вверх.

— Вик, — выдохнула она почти беззвучно. И уже громче, сорвавшись на хрип: — ВИК?!

Ответом был ещё один крик — короткий, захлебнувшийся, как будто голос зажали ладонью.

Маршрут сложился сам собой. Пай рванулась вперёд, перепрыгнула треснувший бордюр, увязая в обломках разбитой дороги и проскальзывая между ржавыми остовами машин, так и оставшихся гнить на месте.

Она неслась между гаражами, уже не особенно заботясь о шуме — он и без того разошёлся по округе. С каждым шагом крик становился ближе, но не яснее: бился эхом о бетонные короба, прятался в щелях, перескакивал с одного пролома на другой.

— ВИК! — повторила она, голос сорвался на крик. — ВИК, ЭТО ТЫ?!

Чуть дальше впереди прокатился тяжёлый, хриплый рык — из тех, что Пай уже успела возненавидеть.

Она вылетела на небольшой «карман» между двумя линиями гаражей — пространство шириной в пару машин. Асфальт здесь был вспучен, один из гаражей наполовину осел, его стена треснула и разошлась, образовав узкую, словно ножевой порез, щель. В обвалившемся бетоне торчала арматура, как ржавые рёбра.

Перед этой щелью, согнувшись почти пополам, копалась громада.

Гув.

Он был крупнее большинства — раза в два шире плечами взрослого мужчины. Кожа на спине и руках выглядела, как ошметки обожжённой резины, местами с белыми прожилками оголённых сухожилий. Одежда — если те лохмотья во-

обще когда-то были одеждой — свисала полосами и липла к почерневшему мясу. На затылке и шее кожа будто вздулась пузырями и потом лопнула.

Гув орал в щель, оскалившись, и пытался просунуть туда руку — длинную, с торчащими, как крюки, когтями. Толстое предплечье застревало на обвалившемся краю, когти скребли бетон, срывая крошку и искры. Изнутри отвечал тонкий, пронзительный визг.

— ВИК?! — вырвалось у Пай автоматически, прежде чем мозг успел догнать сердце.

Гув замер.

Медленно, словно с трудом вспоминая, как работают мышцы, существо подняло голову. Его шея хрустнула, повернувшись почти на девяносто градусов. Белёные глаза дёрнулись в её сторону. Рот растянулся в неестественно широкой ухмылке: поплавившиеся губы обнажили искрошенные зубы, между которыми застряли тёмные клочья.

Он втянул воздух носом, который был наполовину обугленным провалом.

— Вии... — прохрипел он, гортанно, будто жуя это слово.
— Вии-и.

Он рванулся к ней.

Думать было некогда. Тело, выдрессированное за эти четыре года, уже действовало.

Пай сорвала за ремень винтовку, вскинула к плечу на бегу. Мир сузился до мушки и безобразной головы, несущейся на

неё.

Она нажала на спуск. Грохнул выстрел. Пыль взметнулась с земли, и пуля вошла Гуву прямо в лоб — в то место, где у людей рисовали «третий глаз».

Череп разошёлся в стороны, как перезрелый плод. Обугленная кость, серые ошметки мозгов, тёмная кровь — всё это брызнуло в воздух. Тело по инерции сделало ещё два шага и рухнуло к её ногам, подломившись, как перерезанная марионетка.

Пай остановилась, пытаясь восстановить дыхание. В ноздри ударил привычный, но всё равно отвратительный запах — смесь жжёного мяса, протухшей крови и чего-то химического, чего она так и не научилась определять.

Она сплюнула в сторону, отступила от распростёртой туши. Пульсация крови в висках заглушала все звуки, крики словно растворились в воздухе. Гаражный проём, имеющий рану в стене, источал пугающую темноту.

— Вик? — спросила она уже более осторожно, подойдя ближе. В голосе прозвучало почти раздражение. — Вик? Это я Пайпер, Вик, ответь. Это я Пай.

Тишина.

Пай сжала губы, опустилась на колено рядом с щелью. Солнце весь день жгло пустошь, но бетон всё равно остался холодным и влажным.

Она сняла с рюкзака маленький фонарик, щёлкнула кнопкой.

Луч белого света разрезал мрак между стенами; спугнутые тени отпрыгнули в стороны, обнажая крошево бетона, ржавые банки, старую пластиковую канистру без крышки. Никаких тел, никаких следов крови.

Никого.

Пай чуть углубила луч, поводя из стороны в сторону. Щель уходила вглубь, но достаточно быстро сужалась: даже самый тощий человек здесь не пролез бы дальше и пары метров. Разве что мелкая живность Но и той не было.

— Что за... — выдохнула она, переходя на сиплый шёпот.
— Дерьмо...

В голосе чувствовалась злость — на пустошь, на Гува, на этот долбаный маячок и на себя. Она выключила фонарик, выпрямилась, чувствуя, как напряглась спина.

— Это приманка, — раздался за спиной молодой голос.

Пай развернулась так, как будто её крутанули за ремень. Винтовка вспорхнула вверх сама собой, ствол нацелился тому, кто осмелился подкрасться, прямо под подбородок.

Перед ней стоял парень.

В длинном сером плаще до колена — сильно выцветшем, забрызганном грязью по подолу. Капюшон надвинут низко, тень скрывала верхнюю часть лица. Нижнюю закрывала чёрная противопылевая маска с круглым фильтром сбоку.

Высокий. Стройный, но не тощий — под плащом угадывались мышцы, не накачанные, а выработанные. Такие бывают у тех, кто много ходит или много работает. Не у тех, кто

голодает. На коленях — военные наколенники. Под плащом виднелись тёмные штаны, заправленные в крепкие ботинки. На поясе — кобура с оружием, не то пистолет, не то компактный резак. За спиной — рюкзак с утянутыми ремнями.

Он замер, не делая попытки отойти от ствола её винтовки.

— Спокойно, — сказал он, не повышая голоса. Сквозь маску звук шёл слегка приглушённый, но уверенный. — Если бы я хотел, чтобы ты умерла, я бы не предупредил.

Пай не опускала оружия.

В полутьме под капюшоном она всё же уловила блеск глаз — тёмных, внимательных, без суеты. Он изучал её так же быстро, как она его: кожа, одежда, осанка, винтовка, тесак на поясе, рюкзак. Взглядом человека, который привык оценивать других за считанные секунды.

— Стоять, — коротко бросила она. — Капюшон вниз. Медленно.

Парень не шелохнулся.

— Это приманка, — повторил он, с лёгким кивком на щель и тушу Гува у её ног. — Один орёт, заманивает. Остаётся только ждать тех, кто прибежит. Ты выстрелила очень громко...

Пай передёрнула затвор, давая понять, что ей надоело слушать.

Он поднял руки, слегка разведя их в стороны, ладонями вперёд — старый жест: «Я не трогаю своё оружие». Затем двумя плавными, нарочито неторопливыми движениями по-

тянул капюшон назад.

Тёмные волосы — чуть длиннее, чем положено «по уставу», но явно когда-то стриженные аккуратно, — выбились вперёд. Лоб с парой небольших царапин. Глаза молодые непривычно яркие для этой пустоши. И слишком спокойные, чтобы так смотреть в ствол винтовки.

— Довольна? — спросил он, наклонив голову.

Пай не ответила. Палец на спусковом крючке даже не дрогнул.

Где-то вдалеке, за гаражами, раздался глухой, протяжный вой. Другой ему ответил, ближе.

Пустошь просыпалась.

— Нет, не довольна, — Пай чуть сильнее вдавила приклад в плечо. — Сними маску.

Глаза парня едва заметно сузились. Он бросил быстрый взгляд ей за спину, куда-то в глубь гаражей, и коротко кивнул туда.

— Надо уходить, — сказал он. — Скоро здесь будет много Гувов.

— Мы уйдём, когда я увижу твоё лицо, — отрезала Пай, перехватывая винтовку поудобнее. — Полностью.

Он явно замешкался. Взгляд скользнул по её рукам, по уверенности, с которой она держала оружие. Вздохнул так, будто сдался не ей, а обстоятельствам, и медленно потянулся к резинкам маски.

Чёрная ткань оттянулась и с шорохом соскользнула.

Лицо оказалось почти неправильным для этого мира... Около двадцати, может, чуть больше. Чёткие скулы, прямой нос, губы с упрямой, но живой линией. Щетины не было — либо он находил время бриться, либо волосы на лице у него почти не росли.

На левом виске — светлый шрам, похожий на царапину от осколка. Кожа чуть загорелая, но без пятен гнили, ожогов, пузырей — без всего того, что Пай привыкла видеть на тех, кто ещё шевелился.

Но больше всего цепляли глаза — такие яркие, с живым блеском и кошачьим разрезом.

Пай поймала себя на том, что уставилась.

Она слишком долго жила среди пустоши, руин и Гувов с их вывернутыми наизнанку лицами. На этом фоне даже обычное человеческое лицо — чистое, симметричное, живое — казалось нереальным.

Он чуть дёрнул уголком губ, и на лице промелькнуло что-то, похожее на улыбку — быструю, ироничную.

— Если ты насмотрелась, — неторопливо произнёс он, — я, пожалуй, пойду. Не хочу сам стать приманкой.

Он быстрым и отработанным движением натянул маску, опустил капюшон. Развернулся, уже собираясь скрыться между гаражами.

Пай уже открыла рот, чтобы остановить его — сама ещё не решила, зачем именно, — когда воздух треснул от нового звука.

Хриплый, рваный рык, почти вой, донёлся справа. Затем слева. И ещё один — ближе, чем хотелось бы.

Из-за угла ближайшего гаража, шатаясь на искривлённых ногах, вывалился Гув.

Этот был поменьше, но быстрее. Кожа этого Гува была с серыми пятнами обгоревшей плоти, местами слиплась, торчала буграми как переплавленный воск. Лицо было наполовину обгоревшей маской, наполовину — живой, но напряжённой мышцей. Один глаз отсутствовал, второй — с жёлтым отливом, смотрел прямо на них.

Он завёл голову набок, щёлкнув позвонками, и, увидев Пай и парня, мерзко зарычал, обнажив зубы, между которыми торчало мясо.

Пай не стала ждать.

Выстрелила почти с бедра, коротко, чётко — пуля вошла в скулу, ушла выше, размозжив половину лица. Гув дёрнулся ломано и совершенно неестественно повалился на асфальт, сбив ногой ржавое ведро. Оно громко покатилося к пролому в дальнем ряду гаражей, откуда уже вылез ещё один.

Он двигался странно быстро: длинные руки почти касались земли, движение напоминало звериный бег. На груди и животе кожа была содрана почти до мышц, всё крылось засохшей коркой бурой крови.

Из горла вырывался сиплый свист, словно где-то внутри остался осколок металла.

— Ложись, — бросил парень.

Но Пай ещё не успела среагировать.

Гув рванулся прямо к незнакомцу, подпрыгивая через обломки бетона. В одно мгновение оказался почти вплотную, распахнув рот для вязкого рыка.

Парень шагнул ему навстречу.

Движение было таким быстрым, что мозг Пай отметил его уже после того, как оно закончилось. Он ушёл чуть в сторону, проскользнув под взмахом когтистой руки, и будто бы сам подпрыгнул — или это Гув, по инерции, вынес его вверх.

Металл сверкнул в воздухе.

В его руке оказался тонкий, тёмный клинок — не то нож, не то укороченный мачете. В прыжке парень развернулся, и лезвие легло Гуву на горло, как линия маркера на бумаге.

Раздался влажный чавкающий звук.

Они приземлились почти одновременно, только Гув — на колени, парень — на ноги, пружинисто, как будто это был тренировочный мат, а не раздолбанный асфальт. Из распоротого горла Гува фонтаном брызнула густая чёрная кровь, зашипела на горячем бетоне, стекла по его груди.

Он захрипел, захлопал остатками воздуха и завалился набок, дёргая ногами.

Парень вытер лезвие о его потрёпанную рванину одним отточенным движением.

— Один, — тихо произнёс он.

— Три, — на автомате ответила Пай, уводя ствол левее.

Следующий Гув появился там, где секунду назад никого

не было — будто он собрался из теней, скопившихся между гаражами. Он был массивный, с непропорционально большой головой и длинными руками. Кожа на лице почти полностью слезла, обнажив оголённые мышцы и жилы, из которых сочилась густая, как смола, жидкость.

Он успел сделать лишь полшага.

Выстрел Пай пробил ему голову сверху вниз, расколов её, как гнилой орех. Осколки кости, лоскуты обугленных тканей брызнули по ближайшей стене, обдав бетон чёрными каплями. Тело осело и повалилось лицом в пыль, как кукла с обрезанными нитями.

Вдалеке прокатилось эхо — выстрелы пошли по пустоши кругами, как от плоского камня по воде. И вместе с эхом разросся новый хор.

Глухое рычание, несколько голосов сразу. Дальний, низкий вой подхватил ближний, надтрёпанный, и ещё один — пронзительный, визгливый.

Звук быстро расползлся между гаражами, разматываясь, как клубок чёрных нитей.

Пай среагировала раньше, чем успела подумать. Сработал уже вбитый в тело инстинкт.

Она даже не поняла своё движение. Резко вытянула руку, пальцы сжали рукав парня, вцепившись в грубую ткань плаща.

— Бежим! — сорвалось с её губ, но в голосе была не привычная команда, а что-то несвойственное ей.

Не дожидаясь ответа, она рванула его за собой.

Они бежали меж гаражей, впрыгивая в узкий проход между двумя покосившимися коробками. Ободранные двери скребли по их плечам. Пай слышала, как за спиной, там, где валялись трупы, уже поднимается гортанный гвалт — Гувы, учуявшие кровь, звук, запах.

Асфальт под ногами сменился крошившимся бетоном, затем — голой, утопанной землёй. Сбоку мелькнули проломы в крышах гаражей, как если бы когда-то сверху по ним прошло что-то тяжёлое и огромное.

Пай не отпускала его рукав; пальцы вцепились так, что начали ныть. Только когда они выскочили на более широкую полосу пространства — что-то вроде старой стоянки с белыми почти стёртыми линиями разметки, — парень дёрнул рукой, резко, но не слишком грубо, вырываясь.

— Постой, постой... — выдохнул он, останавливаясь.

Пай, по инерции сделав ещё пару шагов, обернулась на бегу. Сердце колотилось так, что дыхание хрипело в горле. За спиной, между гаражами, уже мелькали тени. Рык становился всё громче и громче.

— Ты рехнулся? — процедила она. — Они уже идут!

Он не выглядел напуганным. Взъерошенный — да, дыхание сбивалось, но в глазах не было паники, только сосредоточенность.

— Их надо взорвать, — быстро сказал он. — Чем больше — тем лучше.

— Чего?.. — Пай дернула головой, как будто плохо слышала.

— Я специально установил манок, — он уже говорил деловым тоном, коротко, по существу. — Запах. Для Гувов. Они сюда лезут, как мухи на падаль. Сейчас их будет много.

Он сунул руку под плащ и вынул из внутреннего кармана чёрный овальный предмет. Небольшой, меньше ладони, гладкий, с двумя тускло мерцающими диодами и одной широкой кнопкой посередине.

Пульт.

Он держал его открыто, на ладони, так что Пай могла разглядеть. Его взгляд был прикован к устройству, но по глазам — по характерному прищуру, по тонким лучикам у уголков — было ясно: он улыбается.

— Пора пустить взрывчатку в дело, — сказал он, и в голосе прозвучала почти лёгкая насмешка. — А то зря таскал.

Он поднял пульт чуть выше, как тостовый бокал на вечеринке.

За их спинами гаркнул особенно громкий рык — близко. Где-то упал металл, грохнуло ведро, послышалось торопливое, рваное шуршание ног по мусору.

Пай инстинктивно развернулась, вскидывая винтовку, но в прицел попали только тени, ещё не успевшие выбраться на открытое место.

— Эй! — рявкнула она, не оборачиваясь. — Если ты что-то собираешься

Щелчок.

Прозвучал почти не слышный, потерявшийся в общем шуме звук отжатой кнопки.

Мир на секунду замер.

Потом землю под ногами подбросило так, словно её ударили снизу гигантским кулаком.

Из ряда гаражей, откуда они только что выбежали, вырвалось сразу несколько огненных языков. Чёрно-оранжевые столбы пламени прорвали крыши, сорвали листы железа, подняли в воздух обломки бетона и ржавые ворота. Взрыв был густым, плотным, с глухим, утробным грохотом, от которого у Пай заложило уши.

Ударная волна швырнула её вперёд, на колени. Винтовка больно врезалась прикладом в плечо, ладони содрались о шершавый асфальт. В глаза брызнули пыль и мелкая крошка.

Над головой пронёсся глухой свист — это где-то рядом пролетела вырванная из стены железная балка и с грохотом вонзилась в землю метрах в пяти от них.

Пламя поднялось в воздух, который моментально стал горячим, как дыхание печи. К небу взвился столб чёрного дыма, вперемешку с пылью и разорванными клочьями всего, что ещё недавно было гаражным рядом и Гувами, которые туда лезли.

Вой и рычание оборвались разом, как по команде. Пу-стошь на мгновение оглохла вместе с ними.

Пай подняла голову. В ушах стоял высокий писк, всё вокруг казалось чуть смазанным. Она моргнула, стряхивая с ресниц пепел.

Рядом, присев на одно колено и закрыв голову локтем от летящих обломков, тихо посмеивался парень. В его руке по-прежнему был зажат чёрный пульт. Глаза — всё те же яркие, живые — смотрели на пылающий ряд гаражей, и теперь уже не надо было видеть его рта, чтобы понять: он улыбается.

— Ну, — сказал он, перекрикивая звон в ушах, — по моему, это сработало.

Пламя ещё облизывало темное небо, когда звон потихоньку начал спадать.

Обломки всё реже падали на землю, оседая в клубах пыли. Над гаражами висело чёрное, жирное облако дыма.

Пай поднялась, отряхнула ладони — кожа на них была содрана, но крови почти не было. Винтовка всё так же висела на ремне; она проверила затвор, машинально, привыкшим движением, и только потом посмотрела на парня.

Пульт он убрал в карман плаща с равнодушным спокойствием, не вязавшимся с тем, что произошло.

— Счастлив? — спросила Пай сухо.

— Более чем, — отозвался он. В голосе всё ещё слышалась улыбка. — Меньше Гувов — легче дышать.

Она покосилась на клубы дыма, на огонь, жадно выедающий остатки построек.

— Меньше здесь, — бросила она. — Зато запах, шум, свет

Сейчас со всего района поползут. Ты, подрывник, только что зажжёт маяк «тут свежие кишки, налетай».

Он хмыкнул.

— Будет веселее.

Пай посмотрела на него внимательнее, в голосе не слышалось истерики — только лёгкая, странная бравада. В этом мире многие сходили с ума — по-тихому, по-громкому, каждый по-своему. Кто-то разговаривал с куклами. Кто-то резал себе кожу, превращая её в карту. Кто-то шёл к Гувам обниматься — «просто чтобы всё наконец уже закончилось».

Этот, похоже, пойдёт до конца — со смехом и взрывчаткой.

Впрочем, кто она такая, чтобы осуждать его.

— Есть где ночевать? — спросила она, глядя на него изпод бровей.

Он отвёл взгляд от пылающего ряда, посмотрел на неё. На секунду в его глазах мелькнуло что-то более серьёзное, чем ухмылка.

— Двигаюсь к Старому дому, — ответил он. — Километров шесть-семь отсюда, если по прямой. Часа за три, если не отвлекаться.

«Старый дом» — название, которое Пай слышала раньше. Так называли точки ночёвки, передавая информацию друг другу редко, осторожно, почти шёпотом. «В Старом доме ещё есть вода». «В Старом доме крыша не течёт». «В Старом доме пропали трое — лучше не лезь».

Иногда «Старым домом» оказывалась задрипанная подстанция. Иногда — подвал детсада. Иногда — бывший банк.

Она уже открыла рот, чтобы по привычке согласиться и разойтись — так было проще, безопаснее и привычнее для неё, — но слова наружу вылетели совсем другие.

— Пошли со мной, — сказала она.

Он чуть дернулся, будто не был готов услышать это.

— Что? — переспросил.

— Говорю, со мной пойдёшь, — она не любила повторяться, но уже сказала. — До Старого дома за полночи не успеешь дойти. А с тем цирком, который ты устроил, — тем более.

Она коротко ткнула пальцем в сторону пылающих гаражей.

— Здесь скоро будет зоопарк. У меня ангар гораздо ближе. Нормальный. Крыша, стены, пара сюрпризов для незваных гостей. Там переночуем.

Он молчал. Явно не бросился радоваться, как это делали некоторые — те, кто боялся ночи один на один с пустошью. Те, кто хватался за любую возможность не быть в одиночестве, даже если этот «кто-то» держал на тебя винтовку.

Этот задумался.

Пай отметила, как у него чуть дёрнулась мышца на щеке, как он перевёл взгляд — сначала на неё, потом на винтовку, потом вновь на её глаза. Разум перебирал варианты, доверять или не доверять, рискнуть или не рисковать.

«Испугался?» — лениво мелькнуло у неё в голове. И тут же — более честная мысль: «И правильно делает».

Она вдруг очень отчётливо поняла, что сама не чувствует к нему страха. Опаску — да. Интерес — тем более. Но не страх. Во-первых, потому что за эти четыре года привыкла рассчитывать только на себя. Во-вторых, потому что слишком часто видела, как другие боялись её.

И сейчас, кажется, боялся тоже.

Смешно.

— В ангаре есть припасы, — добавила она, как бы между прочим. — Еда. Нормальная вода, не из лужи.

Он сглотнул.

Почти незаметно, но Пай уловила. Взгляд на миг скользнул ей за спину — будто он уже прикидывал, есть на самом деле припасы или нет.

Живот тем временем, кажется, выдал своё мнение. Она даже услышала тихий, предательский урчащий звук — или ей хотелось его услышать.

— Не обольщайся, я не нянька, — буркнула она, чтобы самой себе не показаться слишком мягкой. — И не спасительница. Просто не хочу, чтобы меня одну всю ночь окружали Гувы, привлечённые твоими фейерверками.

Он хмыкнул — на этот раз без веселья, скорее признавая очевидное.

Она решила не давать ему время на тщательно взвешенный отказ и вцепилась в его рукав, это движение уже стало

почти автоматическим — потащила в направлении подземного ангара, скрытого в паре кварталов отсюда.

— Пошли, — сказала она. — Со мной будет безопаснее. А одному ночью по месту, которое ты только что взорвал, — это уже не смелость, чистая дурость.

Он позволил потянуть себя пару шагов, потом всё же выровнял шаг и пошёл сам, не вырывая рукава.

— Ты всегда так приглашаешь? — спросил он спустя несколько метров, когда шум взрыва окончательно растворился в ночи, а их окружила обычная для пустоши тишина — наполненная отдалёнными шорохами и глухими стонами.

— Нет, обычно никого не приглашаю, — отрезала Пай. — Считай, тебе повезло.

Или мне не повезло, добавила она про себя.

Его присутствие не вызывало тревоги, напротив она отмечала, что рядом идёт живой человек, который дышит, шуршит плащом, иногда наступая на щебёнку, тихо, но всё равно слышно.

Уже месяц она не разговаривала ни с кем — если не считать того болтливого Гува у старой развязки, который, зажав в когтях чей-то сапог, всё повторял: «Есссть... ааа... дай... сожрууыы...» — будто заело пластинку. Тогда Пай перекинулась с ним несколькими фразами о том, что понимает его печаль, а затем пристрелила его просто чтобы уже заткнулся.

С тех пор — только собственные мысли и редкие матерные комментарии в сторону планшета.

Сейчас же рядом шёл кто-то, кто мог отвечать полными фразами. Кто, возможно, что-то знает. Про этот район. Про Гувов. Про Взрыв. Про Вика...

О нём она ещё не упомянула, но внутри всё клокотало от нетерпения — нужно было разговорить его, вытянуть хоть крупицу сведений.

Она покосилась на парня.

— Как тебя звать-то?

Он чуть повернул голову.

— Скажу, когда покажешь мне ангар, — ответил он.

Она фыркнула.

— Странно. По тебе не скажешь, что ты такой осторожный.

— Это как посмотреть, — тихо сказал он.

Они шли молча ещё минуту. Небо между рваными облаками темнело, первые звёзды уже уверенно прорисовывались. Где-то очень далеко прогудел одинокий, старый генератор — кто-то включил электричество на ночь.

Пай почувствовала, как у неё внутри странно потеплело. Не от близости ангара. От того, что в пустоши, кроме Гувов, всё ещё есть людские голоса — кроме её собственного и тех, что кричат в воспоминаниях.

Она поправила ремень рюкзака и ускорила шаг.

— Держись рядом, подрывник, — бросила она. — Терпеть не могу, когда отстают.

Он догнал её, ступая чуть позади и сбоку — там, где мож-

но было видеть её профиль и винтовку, и не лезть прямо в глаза.

И какое-то время тишину пустоши заполняли уже два ровных шага вместо одного.

FARROW

The NORTH

Highway

Глава 2. Глаза за ужин

До ангара они добирались молча. Пай шла по памяти, выхватывая из сумрака редкие ориентиры: оборванный столб освещения, заваленную будку охраны, какую-то проржавевшую коробку с надписью «Склад 7», почти скрытую бурьяном. Небо над ними медленно густело и темнело. Где-то в стороне лениво крякнул Гув — больше похоже на кашель, чем на звериный звук.

Ангар прятался под землёй, как и большинство мест, которые ещё можно было назвать «укрытием». Снаружи — лишь покосившаяся бетонная рамка въезда и наполовину засыпанный провал ворот. Пай, пробираясь через обвалившийся мусор, привычно поддела ногой камень, обнаруживая узкую щель — достаточно широкую, чтобы пролезть человеку, но не настолько, чтобы туда протиснулся крупный Гув.

— Вот он, рай для избранных, — пробурчала она, опускаясь на четвереньки и заползая внутрь.

Изнутри пахло прохладой, затхлостью и старым маслом. По сравнению с тем, что было снаружи, воздух здесь казался почти свежим.

Она спрыгнула вниз, на бетонный пол, на секунду присев на корточки, давая возможность глазам привыкнуть к темноте.

Над головой — низкий потолок, множество металличе-

ских балок. В глубине темнел хаотичный ряд техники — когда-то выстроенной ровно, а теперь просто закинутой под брезент, местами порядком разодранный.

Сверху послышалось лёгкое шуршание — паренёк следовал за ней. Он спустился тише, чем она ожидала, и приземлился рядом мягко, почти бесшумно.

— Мы здесь не одни? — спросил он вполголоса, вслушиваясь.

— Если кто и был, давно ушёл, — ответила Пай. — Или я уже выгнала.

Она шагнула в сторону, нащупывая ногой знакомый выступ. Пальцы на автомате нашли на стене старый крюк, рядом — металлическую полочку, и на ней — небольшую масляную лампу.

Короткая искра, и сразу стал ощутим запах горелого фитиля. Мягкое, тёплое, янтарное свечение медленно разлилось по помещению.

Ангар выглядел лучше, чем большинство мест, которые Пай видела за последние месяцы. Здесь были когда-то ряды машин — сейчас под потрёпанными чехлами угадывались силуэты грузовика, пару джипов, какого-то низкого фургона. Ближе к входу — импровизированный жилой угол: затёртые резиновые маты, сложенные в толстый коврик, пара одеял и пластиковый ящик под стол. На ящике — аккуратно расставленные жестянки, две металлические кружки, пара бутылок с водой.

— Обещанная еда и вода, — бросила Пай. — Я же не вру. Почти никогда.

Молодой человек — пока ещё безымянный для неё, но уже чётко отпечатавшийся в памяти — огляделся, чуть припустив маску, будто нюхая воздух.

— Выглядит... прилично, — признал он. — Для конца света.

— Сними уже это всё, — махнула она в его сторону. — Ты под землёй, не на параде.

Он на секунду замер, а потом вздохнул — сдаваясь не ей, а обстоятельствам. Пальцы с привычной точностью сорвали резинки маски, он стянул её и сунул в карман. Затем отстегнул плащ, одним движением стряхнул его с плеч и повесил на торец металлической балки.

Без плаща он выглядел ещё моложе — тёмная футболка, обтягивающая плечи и руки, прочные штаны, ремень с подсумками. Освобождённая шея с тонкой жилкой, бьющейся под кожей. Лицо открытое, среди мягкого, тёплого света лампы — почти нереальное.

Пай, устроив лампу на ящике, наконец позволила себе просто... посмотреть.

И только теперь заметила.

Глаза.

В жёлтом свете один глаз сиял неожиданно ярко — холодным, чистым, почти ледяным голубым цветом. Второй — был чёрным. Не просто тёмным карим, а действительно чёр-

ным — зрачок сливался с радужкой, превращая глаз в идеально тёмный круг.

— Да ну нах... — тихо выдохнула она, шагая ближе, почти произвольно.

Как она этого раньше не увидела? В сумерках, под капюшоном, с маской — тени, да и времени разглядывать особо не было. Но сейчас... Контраст был такой, что взгляд сам прилипал.

Разные по цвету глаза. Один — северное небо. Другой — бездна. На этом лице, с чёткой линией подбородка, высокими скулами и гладкой кожей, это выглядело

Чертовски притягательно.

Такого, как он, наверняка бы засунули на обложки журналов, в рекламу чего-нибудь дорогого и никому уже не нужного.

До всего этого... до Взрыва...

Сейчас же он стоял в ангаре под землёй, в потёртых штанах и с парой ножей на поясе.

— Ну? — спросил он, заметив её взгляд. В голосе была лёгкая настороженность, при этом подёрнутая привычной иронией. — Насмотрелась?

— Почти, — отозвалась Пай, скрестив руки на груди. — Имя скажешь — вообще праздник будет.

Он чуть скрипнул зубами — еле заметно — и всё же ответил:

— Коджи.

— Коджи, — повторила она, как будто пробуя на вкус. Пожала плечами. — Ладно. Я — Пайпер. Можно Пай.

— Знаю, — сказал он. — Ты уже орала это на всю округу.

— Верно, — криво усмехнулась она. — Чтобы вся местная фауна знала, с кем имеет дело.

Она кивнула ему на место у коврика.

— Садись. И... — она хитро прищурилась, — давай так: я даю тебе еду. Ты даёшь свои глаза.

Он несколько раз моргнул.

— Что?

— Дай рассмотреть, — пояснила она, шагнув ближе, в круг света. — В обмен на ужин.

Коджи качнул головой, сложив руки на груди.

— Очень щедро, — протянул он. — Можно я выберу что-нибудь менее странное?

— Нет, — отрезала Пай. — Я твой кров, еда и лампа. Ты — интересный экспонат. Условия диктую я.

Он выдохнул, глядя на неё с тем выражением, которое обычно бывает у людей, понимающих, что спорить бессмысленно.

— Я обычно беру за такие показы дороже, — пробормотал он. — Но ладно. С голодным желудком торговаться тяжело.

Он чуть наклонил голову, позволяя свету лампы полностью упасть на лицо.

Пай подошла ближе, практически вплотную — в этом све-

те контраст между двумя цветами казался ещё больше.

— Не щурься, — буркнула она. — И не дёргайся.

— Я вообще-то мужчина, а не экспонат в музее уродцев,
— фыркнул он.

— Мужчина, — передразнила она. — В этом мире я знала много «мужчин», которые теперь рычат «есть... даай... сожру...» и пытаются откусить кусок горла.

Он коротко усмехнулся.

— Почему такие? — спросила она наконец, отрываясь от изучения.

Коджи откинулся чуть назад, выпрямился.

— Сначала еда, — сказал он. — Условия сделки помнишь?

— Ты наглый, — констатировала Пай. — Или голодный.

— Второе важнее первого.

Она закатила глаза, но поднялась и отошла к ящику. С него сняла пару жестянок: консервированное мясо, фасоль, ещё одну банку с чем-то неразборчивым — этикетки давно облезли. Достала нож, ловко вскрыла железо, запах тушёнки сразу наполнил ангар тяжёлым, но приятным жирным ароматом.

На коврик бросила старый, но чистый кусок ткани, поставила туда банки, рядом — две металлические кружки. Одну наполнила водой из пластиковой бутылки, вторую подвинула ближе к себе.

— Прошу к столу, лорд разноглазый, — сказала она, уса-

живаясь по-турецки напротив.

Он не стал ломаться. Сел на край коврика, подвинулся ближе к банкам. Когда взял ложку, Пай услышала, как тихо у него урчит живот.

Он ел жадно, торопливо, но аккуратно. Ложка мелькала быстро, он сгребал в себя еду, не разбрасывая её и не пачкая всё вокруг. Щёки слегка порозовели — то ли от тепла лампы, то ли от горячей еды. Пай никогда не думала, что будет просто смотреть за тем, как кто-то ещё делает такие простые, обыденные вещи: пьёт воду, жуёт, облизывает губы.

Она отвела глаза, сделала пару глотков воды, заставила себя тоже открыть одну из банок и съесть несколько кусочков.

Коджи доел, отодвинул пустую жестянку и шумно выдохнул.

— Долги надо платить, — напомнила Пай. — Рассказывай.

Он покрутил в руках пустую ложку, словно прикидывая, нельзя ли откупиться металлом.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Вот так и родился.

Пай уставилась на него.

— Серьёзно? — подняла бровь. — Это всё? «Не знаю, родился»?

— А ты хотела что? — пожал он плечами. — Что меня благословил древний дух пустоши? Что меня пятком ткнула в глаз мимо пролетающая комета? Или что я в детстве слишком близко рассматривал ядерный взрыв?

— Ты мог просто сразу так сказать, — возмутилась она и, взмахнув пальцами перед лицом, продолжила: — Вместо этих театральных пауз.

Он ухмыльнулся, чуть откинувшись назад и опираясь ладонями о коврик.

— Ты просила рассмотреть, а не мою биографию, — парировал он. — И вообще, за историю происхождения глаз надо было ещё одну банку тушёнки выставить.

Пай фыркнула, но уголок губ дрогнул.

— Торгаш, — сказала она. — С таким подходом тебя точно кто-нибудь когда-нибудь пристрелит. Из принципа.

— Из принципа, уже пытались, — невозмутимо ответил он. — Пока мажут.

Она позволила себе короткую ухмылку.

При свете лампы его лицо изменилось: скулу подчеркнула тень, а тёмный глаз стал похож на чёрное пятно, в котором не видно зрачка. С вопросами Пай не спешила завязывать.

— Ладно, раз с глазами скучно, — сказала она. — Откуда ты и куда прёшься?

Он на секунду замолчал. Пальцы сами коснулись шрама у виска, потом снова легли на колени.

— Иду на восток, — ответил он наконец. — Там меня кое-кто ждёт.

— Кто? — не отступила Пай.

— Те, кто не любят, когда о них болтают у первых встречных, — сказал он спокойно.

Она прищурилась, но ничего не сказала. Коджи продолжил уже ровнее:

— Откуда... — он безрадостно усмехнулся. — Длинная история. Кратко? Шёл с лагерем. Пятнадцать человек. Семья, по нынешним меркам. Пару недель назад ночью на нас напали рейдеры.

Пай сжала пальцы на кружке. Слово «рейдеры» всегда неприятно отзывалось внутри.

— Удалось уйти мне и ещё троим, — продолжил Коджи. — В суматохе потеряли друг друга. Кто жив, кто нет... — он чуть покачал головой. — Не знаю. С тех пор иду один.

Некоторое время слышно было только тихое потрескивание лампы и редкий плеск капли, падающей с потолка в тёмную лужицу у дальней стены.

— А ты? — спросил он. — Для кого ты так надрывала голос, орущая «Вик» по всей пустоши?

Она уставилась в свои пальцы, сжимающие кружку.

— Потеряла друга, — ответила через секунду. Голос прозвучал сухо. — И ищу его в этом районе.

— Хм, друга, — кивнул он, примеряя это слово. В её крике оно звучало по-другому, но он дальше не полез. — А как выглядит друг?

Она детально описала Вика, то, что он — высокий, у него светлые волосы, которые немного вьются, серо-зеленые глаза, шрам над бровью, плечистый, чуть старше её. А голос его — строгий, с хрипотцой. Казалось, что она прогоняла перед

глазами фотографии, чтобы не дать им выцвести.

Коджи слушал с натянутым вниманием, а взгляд тем временем блуждал по ангару, по грязному потолку в узорчатых пятнах. Ответил он почти с облегчением:

— Нет. Такого не встречал.

Она и не особо рассчитывала. Но каждый раз, когда снова не получала никакой информации, внутри всё равно что-то болезненно дёргалось.

Тишина на пару мгновений затянулась, но ненадолго. Мысль, крутившаяся в её голове последние полчаса, наконец сложилась в ясную картинку.

Она снова посмотрела на него — на гладкую кожу, на отсутствие каких-либо видимых следов облучения, на его слишком лёгкие движения и то, как он будто не чувствует усталости так, как чувствует её собственное тело.

— Ты сказал, что тебе сколько? — спросила она.

Он приподнял бровь.

— А я говорил?

— Говори сейчас, — парировала она. — Сколько?

— Двадцать семь, — без колебаний ответил он.

— М-да, — протянула Пай. — На двадцать семь ты тянешь, как я — на шестнадцать.

Он фыркнул.

— У тебя слишком циничные глаза для шестнадцати.

— А у тебя слишком гладкая рожа даже для двадцати пяти, — отрезала она. — И... — она чуть наклонилась вперёд,

— вообще-то за таких, как ты, охота идёт. Ты в курсе?

Он склонил голову набок.

— Это за красивыми парнями с разными глазами? — невозмутимо уточнил он. — Или за теми, кто слишком ловко режет горло Гувам?

— За молодыми, — отрезала Пай. — Которым после Взрыва очень повезло выжить. Почти все подростки тогда сошли от радиации или что там она сделала. Осталась горстка. Говорят, их теперь собирают в какие-то специальные школы. За них платят. Потому что у них... что-то есть.

Она пожала плечами.

— Никто толком не знает, что. Всё засекречено. Ты выглядишь слишком — она поискала слово, — целым. И подозрительно молодым, чтобы просто так шляться по пустоши.

Он коротко рассмеялся.

— Ты серьёзно? — он покачал головой. — Пай, это бред. Люди любят выдумывать лишнее. Нет никаких школ. Есть пустошь, Гувы и мы.

Он посмотрел на неё чуть пристальнее.

— И мне двадцать семь, — повторил. — Я далеко не подросток. Просто хорошо сохранился.

Пай хотела что-то возразить, но тот самый блеск в его глазах — не радужек, а самого взгляда, — дал понять, что на эту тему он либо не хочет говорить, либо уже наизусть выучил, что отвечать.

Он прекратил этот разговор, словно руками скомкал и вы-

кинул в сторону.

На миг между ними повисла неловкая пауза.

Коджи отвёл взгляд, потянулся, чуть треснув позвоночником.

— Мне завтра ещё двигаться, — сказал он уже более сухо.

— Надо поспать.

Он поднялся, взял одно из одеял, бросил его ближе к дальнему углу коврика.

— Я там, — кивнул он. — Чтоб тебе не казалось, что я ночью полезу смотреть на тебя, как ты на мои глаза.

Пай хмыкнула.

— Попробуй — и будешь смотреть на мир уже никакими глазами, — предупредила она, но без яда.

Он лишь поднял ладони — мол, сдаюсь — и улёгся, подложив под голову скрученный плащ. Повернулся на бок, спиной к ней, но благодаря лампе — мог видеть хотя бы часть помещения краем глаза.

Пай ещё немного посидела, слушая, как выравнивается его дыхание. Снаружи, где-то очень далеко, коротко зарычал Гув, и тут же — второй. Но сюда их не принесло.

Она поднялась, подлила чуть масла в лампу, приглушила фитиль, чтобы свет стал мягче, почти интимным. Разложила своё одеяло с другой стороны коврика, на расстоянии вытянутой руки, но не ближе.

Лёжа на спине, уставившись в потемневший потолок, она ещё долго слышала в тишине не рычание пустоши, а чужой

тихий смех и беззаботное: «Это всё байки».

И почему-то — видела перед собой не взрыв гаражей, а один голубой и один чёрный глаз, смотрящие в упор.

Глава 3. Плохие решения

Утро застало их на выходе из ангара.

Сквозь узкую щель пробивался бледный свет, размывая остатки ночной темноты. Снаружи воздух был прохладнее, чем вчера вечером; где-то далеко слышалось ленивое карканье ворон — верный признак того, что поблизости сейчас никто особо не рыщет.

Гувы по утрам почти не выходили. Почти. Пай это «почти» хорошо помнила, поэтому, прежде чем выбраться наружу, долго прислушивалась, замирая у проёма. Никаких характерных хрипов, шарканья, влажного сопения.

— Чисто, — сказала она и выбралась первой.

Коджи выбрался следом, отряхнул плащ и сразу накинул капюшон, опустив его низко, почти до переносицы. Маску тоже вернул на место — чёрная ткань с круглым фильтром снова спрятала нижнюю половину лица.

Пай невольно поморщилась. Разные глаза снова исчезли в тени, превратившись в два тёмных блика.

— Значит, так, — сказал он, уже разворачиваясь на восток. — Было увлекательно. Спасибо за ангар и тушёнку.

Он кивнул ей — коротко, почти по-военному.

— Удачи, Пайпер.

Она тоже едва заметно кивнула.

— И тебе, подрывник.

Они постояли ещё мгновение на перекрёстке — как люди, случайно встретившиеся и теперь расходящиеся каждый своей дорогой.

Он уже сделал шаг, второй. Развернулся почти полностью, чтобы двинуться в сторону, о которой говорил — на восток.

Почти сразу Пай подняла руку.

Щёлк — и чтото свистнуло в воздухе.

Боль пришла к нему резко, как удар ножом в плечо. Он дернулся, остановился и непонимающе посмотрел на свою руку. Из ткани плаща торчал тонкий металлический стержень с небольшим цилиндром на конце.

Дротик.

Он пальцами выдернул его из ткани и кожи, вздрогнув от вспышки боли, и медленно обернулся.

Пай стояла, не скрываясь, с поднятым пистолетом-шприцом в руке и... почти невинной улыбкой.

— Прости, — сказала она.

Мир потёк.

У него поплыло зрение — очертания Пай размазались, как будто кто-то провёл пальцем по не высохшей картине. Потом ноги вдруг стали чужими.

Он хотел шагнуть к ней, но сделал полшага и завалился вбок.

Земля неожиданно оказалась ближе, чем должна была быть, так быстро, что он даже не успел выставить руки.

«Вот же... говно», — успел подумать он.

Потом пришла темнота.

Он очнулся от тупой, глухой боли в спине и навязчивого скрежета.

Сначала было только ощущение, что он лежит на чём-то очень жёстком и ребристом, и каждая кочка под этим «чем-то» отдаётся в позвоночник. Скрежет сопровождался глухим стуком колёс о неровности. Колёса.

Он открыл глаза рывком — и уткнулся взглядом в сетчатые металлические стенки.

Его везли в тележке — большой обычной магазинной, какие были раньше в супермаркетах, только с уже сильно погнутыми краями и облезшей краской. Он лежал на спине, коленями упираясь в один край, затылком — в другой. Руки были связаны за спиной грубой верёвкой, ноги — тоже, в районе щиколоток. Рот перетянула полоска серой ткани, крепко завязанная на затылке.

Над краем тележки, на фоне тусклого неба, покачивалась знакомая коса.

Пайпер, упёршись руками в ручку, бодро катила его по пустоши.

Он дёрнулся, пытаясь подняться, но верёвки врезались в кожу. Спина снова отозвалась резью. Тело после снотворного ещё было ватным, мышцы слушались неохотно.

— Ммфф! — выругался он в ткань, глухо и зло, и попы-

тался перекинуть ноги через борт.

Тележка качнулась. Пай не спеша придавила его плечо ладонью, укладывая обратно, как непослушный мешок.

— Не дёргайся, Коди, — сказала она, даже не запыхавшись. — Я ничего тебе плохого не сделаю.

Он промычал так, что смысл был ясен без слов.

— Просто отвезу тебя обратно, — добавила она, как будто речь шла о заблудившемся щенке. — Туда, откуда ты сбежал.

Он рванулся снова, пытаясь хоть как-то разорвать пути, угодил локтем в прутья тележки, зашипел от боли и снова промычал — на этот раз уже с яростным, почти отчаянным протестом. Ткань на рту впитала горячий, сердитый выдох.

Пай остановилась.

Колёса скрипнули, замерев. Она обошла тележку, присела на корточки рядом, чтобы оказаться с ним на одном уровне.

Она посмотрела ему прямо в глаза — в голубой и чёрный.

— Знаешь, в чём твоя ошибка, подрывник? — спросила она тихо. — Ты решил, что я — просто ещё одна дура с ружьём.

Он уставился на неё, дыша часто, через ткань, и молчал.

— Я ложь чую за версту, — продолжила Пай. — Ради неё люди жизнь продадут, а я слишком много раз на этом горела. Ты мне врал. И про возраст, и про «байки» про школы.

Она дернула подбородком в сторону его груди.

— Я проверила. У тебя под левой ключицей выжженная кожа. И это не простой шрам, и точно не была татуировка.

Школы своих подопытных всегда метят.

Он попытался что-то возразить, но ткань заглушила слова, превратив их в новый сердитый гул. Он заёрзал, верёвки впились сильнее.

— Раз ты обманул меня, — спокойно сказала Пай, — я имею полное право тебя сдать. Обратное. Там, где за таких, как ты, платят хорошо. Батарейки, платы, чипы... — она чуть улыбнулась. — И еда. Много еды.

Её голос был ровным, почти будничным. Как будто она не обсуждала чью-то жизнь.

Он снова замычал, привлекая её внимание, на этот раз настойчивее. Пай закатила глаза.

— Ну что тебе, поганец, надо? — спросила она и потянулась к узлу ткани. — Только орать не начинай.

Она развязала полоску и стянула её с его рта. Коджи сразу шумно втянул воздух, прокашлялся, отхрипел остатки сухости.

Когда заговорил, голос прозвучал удивительно спокойно: — Ты права.

Она чуть приподняла брови.

— Раскусила, — продолжил он. — Молодец. Мне даже немного жаль, что так быстро.

Он сделал паузу, скосил глаза в сторону, будто прислушиваясь к собственному телу, и добавил самым обыденным тоном:

— Можно в туалет?

Пай моргнула.

— Чего?

— Поссать, — уточнил он по-своему вежливо. — Пожа-луйста. Я с ангара терплю.

Коджи ещё и улыбнулся — на этот раз уже открыто, без тени иронии, чисто, почти невинно.

Его наглость... подкупала.

Пай выругалась себе под нос, было непонятно: прикалы-вается или реально терпит.

Она оттолкнула тележку чуть в сторону и наклонилась.

— Ладно. Не хватало ещё, чтобы ты мне тут всё обмочил, — проворчала она. — Давай.

Она помогла ему приподняться в сидячее положение, по-том аккуратно вытащила из тележки. Ноги, связанные в рай-оне щиколоток, плохо слушались, он едва не рухнул, но она подхватила под локоть, удерживая равновесие.

Он встал, пошатываясь, цепляясь связанными руками за край тележки. Посмотрел на неё многозначительно — мол, дальше-то как?

— Даже не думай, — предупредила Пай. — Сделаешь глупость — поедешь дальше волоком.

Она достала нож и быстро перерезала верёвку на его запястьях. Руки тут же дёрнулись вперёд, зашевелились, раз-миная затёкшие мышцы.

— Ноги не развяжу, — сказала она. — И да, делай прямо здесь.

— Думаешь, чё, я не сделаю, что ли? — буркнул он, недовольно хмурясь. Но всё же повернулся чуть в сторону, боком к ней.

Она демонстративно отвернулась, глядя куда-то в серое небо.

Сзади слышались возня и очень узнаваемый звук, от которого пустошь ещё пару лет назад покраснела бы от стыда, а теперь безразлично пожала плечами.

Пай скрестила руки на груди, ожидая.

— Всё? — спросила она через некоторое время.

— Дай застегнуться, не поворачивайся, — буркнул он.

Она закатила глаза.

— Всё? Время вышло, скромняшка, — сказала она, оборачиваясь.

В тот же миг воздух разорвал сухой, хлёткий звук рвущейся верёвки.

Коджи стоял не боком, а лицом к ней. В его руках блестел на солнце короткий нож. Верёвка, ещё секунду назад стягивавшая его щиколотки, лопнула и разлетелась в стороны.

Он попятился, уже разворачиваясь на ходу и готовясь рвануть.

Пай вскинула ружьё так быстро, будто оно само оказалось у неё в руках.

— Стоять! — рыкнула она.

Он только усмехнулся уголком губ. В голубом глазу мелькнул озорной огонёк.

— Не выстрелишь, — сказал он. — Ты же не убийца людей, верно?

И рванул.

Бежал так, словно и не сидел до этого связанным: легко, ловко петляя между обломками и перепрыгивая через трещины в асфальте. Плащ мелькнул серым пятном, капюшон соскользнул назад, открывая тёмные волосы. Коджи и не собирался останавливаться.

Пай выругалась сквозь зубы. Палец на спуске дрогнул и так и не послушался. Он был прав: в него она стрелять не стала.

Зато у неё было коечто ещё.

Она бросила ружьё на ремне за спину, одной рукой сдёрнула с пояса скрученную верёвку с двумя тяжёлыми шарами на концах, пальцы сжали узел.

Болас.

Она раскрутила его над головой, чувствуя, как тяжелеет кисть, и метнула вперёд, целясь ему под колени.

Верёвка с шарами описала дугу и легла точно куда нужно. Шары обвилились вокруг его голеней, два, три раза, затягиваясь.

Ноги тут же переплелись, и Коджи, потеряв равновесие, полетел вперёд, в пыль.

Он глухо шмякнулся об асфальт, и из него выбило воздух.

Пай уже неслась к нему; сапоги грохотали по треснувшей дороге. Её сердце колотилось — от злости вперемешку с ад-

реналином и от упрямого ощущения, что она всё делает правильно и одновременно чертовски неправильно.

Он не стал ждать. Корчась, перевернулся на спину и нащупал нож. Верёвка на ногах ещё держала, но уже поддавалась.

«Вот же шустрый гад», — успела подумать Пай.

Когда она прыгнула к нему, он уже прорезал одну петлю и дёрнул ноги в сторону. Они жёстко столкнулись на неровном асфальте. Он дёрнулся первым, ударил ладонью в плечо, но она ушла в сторону, поднырнула под руку, поймала его запястье на его же рывке и скрутила вниз.

Он чертыхнулся, пытаясь выкрутиться. Двигался он неплохо — явно знал пару приёмов, и тело у него было натренированное. Но затёкшие мышцы, остатки снотворного, да и неожиданность удара делали своё дело.

Пай же занималась этим с детства. Борьба, удары, захваты — всё это она знала так же, как другие знали таблицу умножения. Раньше она крутила людей лицом вниз по уставу, теперь — просто чтобы дожить до утра. Пустошь лишь довела навыки до автоматизма.

Он попытался пнуть её свободной ногой, но та, всё ещё частично спутанная верёвкой боласа, сыграла против него — движение вышло короче и медленнее, чем нужно. Она ушла с линии удара, сместилась, обхватила его руку, сделала рычаг.

— Ай! Ай! — выдохнул он, когда сустав неприятно хруст-

нул, протестуя.

Он всё ещё дёргался, но уже больше по инерции, чем с реальной надеждой вырваться. Пай усилила давление на болевой, чувствуя, как его мышцы под ладонями протестующе напрягаются.

— Лежи, — рывкнула она. — Или сломаю.

— Да понял я! — процедил он сквозь зубы.

Через пару секунд он сдался, тяжело дыша, уставился в небо.

Пай, не ослабляя захвата, перехватила его руку поудобнее, затем быстро заломила за спину и, перекинув свой вес, оказалась у него за плечами. Свободной рукой выдернула нож, отшвырнула в сторону.

Верёвка для рук нашлась тут же — кусок шнура, который Пай давно привыкла держать в кармане «на всякий случай». Пара быстрых, тугих узлов — и его запястья снова оказались крепко стянутыми за спиной.

— Пай, — выдохнул он, когда она окончательно зафиксировала узлы. — Ты ошибаешься. Я не сбежал из школ...

— Пошли давай, — отрезала она, резко дёргая его за плечо, помогая подняться. — Раз очнулся, дальше пойдёшь сам. Хватит кататься бесплатно.

Он поднялся, пошатываясь, верёвка на ногах ещё мешала шагать, но Пай уже ловко перерезала болас ножом и вернула себе верёвку с шарами.

— Не делай этого, — сказал он, переводя дыхание. — Ты

сейчас не права. Я не

— Ох замолчи уже, — перебила она.

Она резко ткнула пальцем под его левую ключицу, точно в то место, где чувствовала под кожей неровность. Он дёрнулся.

— Я же говорю, проверила, — сказала она. — Номер у тебя там. Порядковый.

— Там шрам, — вспыхнул он, голос сорвался. — А ты чё, меня раздевала?

Пай дёрнула уголком губ.

— Это выжжено, — отрезала она. — Будто ты что-то спрятал. И хватит уже. Идёшь молча. Или я тебе снова рот закрою.

Он фыркнул, перевёл взгляд вперёд, заставляя себя идти. Сапоги шуршали по пыли, тележка скрипела рядом — Пай везла её, держа одной рукой за ручку, другой — за его связанный локоть.

Какое-то время они шли в тишине. Потом он усмехнулся — сначала тихо, потом уже откровенно.

— Они просто посмеются над тобой, — сказал он, даже не глядя на неё. — Ты приведёшь взрослого мужика, а не какого-нибудь «особого подростка»... Они решат, что ты сумасшедшая. Или мошенница. Скажут: «Очередная, хочет срубить батарейки на байках про школы».

Он засмеялся уже вслух, открыто, чуть запрокинув голову.

Пай стиснула зубы.

Смех бесил её именно своей неправильной нормальностью. Уже много лет люди так легко не смеются в этом мёртвом мире.

— Всё, хватит, — сказала она.

Она остановилась, развернула его к себе, одной рукой ухватила за плечо. Второй снова достала серую ткань.

— Что, снова? — поднял он бровь.

— Представь себе, — кивнула она. — Я устала слушать.

Он ещё пытался что-то сказать, но полоска уже легла ему на рот, прижимая губы к зубам. Узел на затылке она завязала туго, без сантиментов.

Теперь его смех звучал только у неё в голове. По убитой дороге они продолжили идти туда, где кто-то очень хорошо платит за чужие ошибки.

Глава 4. Официальная сказка

Тележка с каждым метром раздражала всё сильнее. Колёса цеплялись за трещины в асфальте, проваливались в ямы, гремели на обломках бетона. Спина у Коджи после этой каталки ныла до сих пор, плечи затекли, но он мог только идти рядом и слушать этот грохот. Даже с его выносливостью такое «путешествие» было пыткой.

Пай первой не выдержала.

На очередном более-менее пригодном для укрытия месте — небольшом углублении у обочины, частично заросшем сухим кустарником, частично заваленном обломками — она резко свернула, закатила тележку туда и, нагнувшись, старательно замаскировала её ветками, ржавым железом и какими-то тряпками.

— Ещё пригодится, — буркнула она, встряхивая пыль с рук.

Пришлось самой нести свой и его рюкзак дальше — выбрасывать его вещи было бы чистым расточительством.

Коджи только зло фыркнул в тряпку у себя на рту.

Дальше пошли уже без тележки: он — с верёвкой, стягивающей запястья за спиной, она — рядом, крепко удерживая его под локоть и задавая шаг короткими рывками.

Дорога давно уже перестала быть дорогой.

Вздыбленные плиты асфальта были как сломанные по-

звоночки, из трещин которых, острыми копыями, торчала ржавая арматура. Пайпер и Коджи то карабкались наверх по таким «волнам», то осторожно спускались в провалы, где скапливалась пыль и мусор.

Вокруг никого Между развалинами стоял смог, гулял ветер. Временами издалека доносилось то ли карканье, то ли сухой скрежет.

Минут через двадцать дорога совсем начала уходить в землю, а впереди появился лесок — редкий, перекрученный, с кривыми ветками, но всё ещё живой. Под деревьями сразу стало прохладнее. Между стволами торчала жёсткая выцветшая трава, местами чернела голая земля. Пахло сыростью, корой и старыми листьями.

Ему явно не нравилось, как с ним обращаются — толчки, рывки, короткие команды.

— Сиди, — сказала она.

Сняла с плеча рюкзаки, в своём нашла небольшой мешок и прошлась под деревом, собирая в него жёлуди — редкие, но ещё крепкие, не червивые. Такие можно было подсушить и потом есть, если прижмёт.

Вернувшись, она кивком указала на железное объявление.

— Смотри, Коди, — хмыкнула она. — Официальная сказка.

На табличке чёрными буквами, кое-где подновлёнными, ещё можно было разобрать:

«ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ВОССТАНОВЛЕ-

НИЯ

Младшие граждане в возрасте до 23 лет включительно, не имеющие тяжёлых физических повреждений и устойчивые к внешнему фону, приглашаются в специализированные учебно-жилищные комплексы («Школы восстановления»).

Мы гарантируем:

- безопасный крытый приют;
- регулярное питание и чистую воду;
- одежду и средства защиты;
- базовую медицинскую помощь;
- обучение навыкам, необходимым для возрождения инфраструктуры.

Опекунам, родителям, сопровождающим и лицам, обеспечившим доставку гражданина, выплачивается:

- трёхмесячный продовольственный паёк;
- комплект медикаментов первой необходимости;
- набор ремонтируемой одежды и обуви;
- при наличии подтверждённого родства — дополнительные поощрительные выплаты (аккумуляторы, платы, микросхемы, инструмент).

Для установления связи:

Находясь в радиусе действия данного объявления, передайте на указанный ниже кодовый номер сигнал азбукой Морзе (любым доступным вам источником звука или света). Не покидайте район в течение ближайших 4–6 часов. Ожидайте прибытия уполномоченной группы.

Самовольный вывод младших граждан из зоны действия программы

преследуется по закону.»

Внизу, под текстом, были выбиты ряд цифр и пунктир с примерами точек и тире — чтобы справиться мог любой.

Пай провела пальцем по последним строкам.

— А ты утверждал, что это байки, — заметила она, повернувшись к нему.

Коджи что-то недовольно промычал, отвёл взгляд и вжал затылок в ствол. Глаза закрыл — то ли от усталости, то ли просто не хотел больше смотреть на табличку.

Пай только усмехнулась.

— Расслабься. Я же сказала: ничего плохого не сделаю. Просто сдам — и всё.

Она достала флягу, отпила. Вода была тёплой, но горло всё равно смочила. Потом присела напротив него, опершись локтями о колени.

— Так, слушай. Сейчас я дам тебе попить. Но ты не орёшь, не зовёшь никого и не болтаешь на всю округу. Пьёшь. Спокойно. Понятно?

Он, не открывая глаз, кивнул.

Пай протянула руку, развязала узел на затылке, стянула полоску с его рта. Коджи шумно вдохнул, повернул голову чуть вниз.

Она поднесла горлышко фляги к его губам. Он пил жадно, но аккуратно, стараясь не проливать. Густые ресницы от-

брасывали тени на кожу под глазами, взгляд был направлен вниз — на бутылку и землю.

Она на секунду отвлеклась — посмотрела на его профиль: нос, скулы, влажные от воды губы, глаза...

Рука её дёрнулась, фляга плеснула водой ему на подбородок и шею.

Он поднял взгляд.

Оба ясных, чуть прозрачных, как зимнее небо. Никакого чёрного зрачка на всю радужку. Никакого контраста, одинаково светло-голубые.

— Это что?.. — выдохнула Пай. — Это что такое? Как?..

Коджи устало улыбнулся шире, почти беспечно.

— Линза выпала, — пожал он плечами. — Бывает.

Он моргнул совершенно обычно. Никакой смены цвета.

Пай сдавленно выдохнула, не замечая, как в этом выдохе смешались разочарование и облегчение.

Что-то в пазле действительно не сходилось. Эти «разные глаза», странные байки, его возраст, клеймо под ключицей. Но «линза» прозвучала так удобно, что мозг сразу за неё ухватился.

— Пай, — торопливо сказал он, пока она снова не потянулась к ткани. — Выслушай меня. Только, пожалуйста, без этого кляпа, ладно?

Она подозрительно сощурилась.

— У тебя ровно минута, — предупредила. — Потом я всё равно сделаю по-своему.

— Сойдёт, — кивнул он.

Он перевёл дух и заговорил быстро, но не сбивчиво:

— Ты действительно ошибаешься. И по поводу школ, и по поводу меня. Мне двадцать семь.

Она посмотрела так, что даже Гув бы смутился.

— Ладно, двадцать пять, — поправился он. — И да, я знаю, выгляжу моложе, но это не отменяет факта. Если ты меня туда потащишь, они всё равно меня заберут. Если уж привели — будут разбираться. А насколько мне известно, оттуда никто не возвращался. Вообще.

Пай закатила глаза, тяжело выдохнула.

— Я тебя сдам, — сказала жёстко. — И пусть там разбираются. Они за это платят, а мне надо жить, если ты не заметил.

Она уже потянулась за полоской ткани.

— Подожди, подожди! — Коджи рефлекторно дёрнул головой, уходя от её рук. — Ещё двадцать секунд, ладно?

Она замерла, хмурясь.

— Ну? — бросила. — Что ещё?

Он зацепился за паузу и заторопился, будто боялся, что рот ему снова заткнут и слова придётся проглатывать вместе с тканью.

— Тебе нужны припасы, — быстро сказал он. — Батарейки, жратва, платы. Ты сама об этом твердила. Я могу отвести тебя в бункер. Не в очередной выпотрошенный ангар и не в «Старые дома». В настоящий. Такой, что богачи строили

под себя.

Она фыркнула.

— Вот ты лис, — усмехнулась. — Хитрый. Меня не проведёшь.

Пай развернула запястье, показывая ему закреплённый планшет — потёртый, с треснувшим экраном. Несколько касаний — и карта, испещрённая значками.

— Я знаю все бункеры и точки для ночлега в этом районе, — сказала она. — И не только в этом. У меня всё отмечено. Координаты, уровни риска, остатки припасов. Ты мне сейчас будешь рассказывать, что открыл секретную дверь в рай?

— Этот бункер не отображён, — перебил он, задержав взгляд на её карте, будто проверяя, что там действительно пусто.

В голосе ушла бравада — осталась только серьёзность.

— Его строили под частный объект. О нём почти никто не знает — богатые не любят делиться своими норами. Мне рассказал человек, которому я доверяю... не трёп у костра, Пай.

Она прищурилась.

— И, конечно, ключик у тебя? — язвительно уточнила.

— Координаты, схема подхода и один код, — кивнул он. — Если бункер ещё цел, войдём. Там есть всё, чтобы жить очень долго: старая роскошь, фильтры, аккумуляторы, медикаменты, возможно, даже генераторы и оборудование, нормальная вода и еда. А консервы там элитные. Всё как ты лю-

бишь.

Пай качнула головой.

— И ты, конечно, поведёшь меня туда просто так, из любви к человечеству?

— Нет, — честно ответил он. — Из любви к себе. Я не хочу, чтобы меня сдали в тот ад, про который ты даже не представляешь. Но посмотри на это по-другому: ты ничего не теряешь. Если я вру — ты всегда сможешь сдать меня позже. Объявления висят не только здесь.

Он кивнул на табличку.

— А если говорю правду — ты получишь то, за что многие готовы убивать. И не одного человека.

Она задумалась. Откровенно, с видимым раздражением — ненавидела, когда её выводили из заранее выбранного курса.

— Если ты так уверен, что тебе больше двадцати трёх, — медленно проговорила Пай, — с чего такая истерика? Пошёл бы, доказал, что ты взрослый, и всё. Свободен.

Коджи усмехнулся сухо, без тени веселья.

— Ты сама читала, — кивнул он в сторону объявления. — «Ожидайте прибытия уполномоченной группы». Как только они увидят шрам там, где клеймо — им уже будет плевать на мой паспорт, зубы и дни рождения. Заберут «на разбирательство». А что там за «разбирательство» — никто не знает. Потому что, как я уже сказал, никто оттуда не возвращается.

Он пожал плечами, насколько позволяли верёвки.

— Так что я рискую тем, что исчезну в чёрной дыре. А ты — тем, что пойдёшь со мной проверить, вру я или нет, и по пути получишь шанс сорвать Джекпот. Выглядит честнее, чем то, что ты задумала, разве нет?

Пай молчала. Всё это снова полезло в голову разом: объявление на дереве, маячок Вика, странный парнишка, его глаза, выжженное клеймо.

Она вздохнула, сжала губы. Подалась вперёд — и быстрым, отточенным движением снова прижала к его рту серую полоску ткани.

— Мм! — возмутился он, дёрнувшись.

— Думать я предпочитаю в тишине, — холодно пояснила Пай.

Она туго завязала узел на затылке. Коджи ещё пару секунд дёргал плечами, но потом лишь шумно выдохнул через нос и опустил голову к стволу.

Пай отстранилась, села чуть в стороне, уткнув локти в колени и уставившись в металлическое объявление.

Между прочитанными строчками объявления — «...ожидать прибытия» и «...преследуется по закону» — у неё возник вопрос: неправа она или тот, кто сейчас дышит через тряпку, сжав кулаки за спиной?

Она некоторое время просто сидела, прислонившись спиной к соседнему стволу, и считала в голове «за» и «против».

Шрам под ключицей — ровно там, где обычно ставят клеймо.

Молодой возраст. Для того, кто якобы четыре года шляется по пустоши, подозрительно ухоженный: кожа целая, зубы нормальные, волосы не свалявшиеся в колтуны. Будто не выживал, а сидел под стеклянным колпаком.

Школ боится.

На табличку смотрит так, будто это не объявление, а разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.